

Через Кантемира осуществлялся обмен научными новостями и книжными новинками. Из российской Академии на его имя высылались «для отсылки в Королевское научное общество, во Французскую королевскую библиотеку, а также иностранным академикам, изданные в Санкт-Петербурге книги и эстампы»²³. В частности, Кантемир просил члена Санкт-Петербургской Академии А.К. Нартова прислать «Комментарии Академические, следующие после VIII тома, Механика Эйлера, все в большой александрийской бумаге и два экземпляра моего переводу о множестве миров»²⁴. «Ежели сверх того какие новые в Академии изданы, – писал кн. Антиох, – пересылкою оных я много вам буду обязан к взаимным услугам»²⁵. Из Лондона и Парижа в Санкт-Петербург с дипломатической почтой отправлялись ящики с научными трудами по философии, математике, астрономии, медицине, географические карты и атласы, приборы для физических опытов и астрономических наблюдений²⁶. Среди посланных в Академию книг значится и вышедшая в Париже в 1743 г. работа Д. Кантемира. «Присланная из Франции книга блаженной памяти родителя вашего сиятельства, содержащая в себе описание Оттоманской империи на французском языке, – сообщал Кантемиру Нартов, – чрез здешнего профессора Делиля в Академии наук получена, за которую вашему сиятельству при посылке книг комментариями здешняго академического издания услужить потщуся»²⁷.

Тесные научные связи и сотрудничество А. Кантемира с Санкт-Петербургской Академией, продолжавшиеся на протяжении нескольких десятилетий, его высокий авторитет как дипломата, философа и поэта в европейских научных и литературных кругах выдвинули его в начале 1740-х гг. в ряды наиболее вероятных и достойных кандидатов на вакантный пост президента Академии наук²⁸. Однако обострившаяся болезнь и последовавшая смерть великого мыслителя не позволили этому сбыться.

²³ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 3, оп. 1, д. 72, л. 94.

²⁴ Имеется в виду перевод А. Кантемира книги Б. Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», изданной в Санкт-Петербурге в 1740 г.

²⁵ РГАЛИ, ф. 46, оп. 2, д. 649, л. 3–3 об.

²⁶ Цвиркун В.К., Коровин В.Л. Кантемир Антиох Дмитриевич // Большая Российская энциклопедия. Т. 12. М., 2008. С. 749–750.

²⁷ РГАЛИ, ф. 46, оп. 2, д. 649, л. 3 об.

²⁸ Бантыш-Каменский Д.Н. Энциклопедия знаменитых россиян. М., 2008. С. 295.

Политика в сфере народного просвещения в Поволжье (XVIII – первая половина XIX в.)

Людмила Артамонова

Развитие светского образования, начавшееся в России при Петре I, до школьной реформы Екатерины II шло преимущественно по пути создания учебных заведений, нацеленных на скорейшую подготовку необходимых для государства специалистов. Из-за отсутствия общеобразовательной школы эти заведения вынуждены были брать на себя её функции. В шляхетских корпусах,

медицинских школах, горных и других училищах, в Славяно-греко-латинской академии существовали низшие классы для элементарной подготовки будущих специалистов. Московский университет с этой целью имел гимназии в Москве и в Казани.

В большинстве городов Среднего Поволжья единственным способом получения элементарных навыков чтения, письма, счёта оставалось традиционное обучение у домашних учителей или «мастеров грамоты», сводившееся преимущественно к чтению богослужебных книг. Псалтырь и Часослов не случайно являлись главными и чаще всего единственными учебными пособиями после Азбуки или Букваря. Чтение светских книг, бытовое и деловое письмо, счёт обычно являлись не целью, а лишь продолжением такого обучения, причём вовсе не обязательным. Тем не менее даже в далеком Заволжье существовали «частные училища», которые создавали священники, а также «отставные солдаты, часто мещане, старухи и проч.»¹. В Саратове и других местах, где было сильно влияние старообрядцев, «купеческие, мещанские и проч. дети» по большей части овладевали русской грамотой «у стариков и старух в раскольнических кельях»². Параллельно в Поволжье при мечетях существовала традиционная мусульманская школа, в которой учили читать и писать на татарском и арабском языках³. В немецких колониях, появившихся на Волге в 1760-х гг., школы также носили традиционный религиозный характер. В евангелических церковных училищах главным учебным предметом являлось «наставление в религии для приготовления юношества к утверждению в законе, в котором оно воспитывается». Обучение письму и начальным правилам арифметики носило дополнительный характер и не было обязательным. Учителя-«шкульмейстеры» не имели профессиональной подготовки и избирались с одобрения приходских пасторов самими колонистами из числа клириков⁴.

О.П. Козодавлев говорил об учебных заведениях в России до 1780-х гг., что, «хотя сии заведения давно уже существуют», однако по-прежнему «всем известен совершенный в учёных людях недостаток», да и в целом «просвещение в народе по сие время от сих заведений не весьма распространилось». Он точно подметил болевую точку российского образования: «Вышние училища как бы хорошо устроены ни были, но если нет в том же государстве достаточного числа нижних школ, в коих бы юношество приобретало первоначальные в науках знания, то науки неминуемо останутся токмо в университетах и академиях, а народ пребудет в невежестве»⁵.

Большие возможности для получения образования имели дворяне, хотя далеко не все из них ими пользовались⁶. Дворяне недостаточно богатые, чтобы оплачивать домашних учителей или содержать детей в частных пансионах, могли рассчитывать на помощь государства и получить бесплатное образование в одной из общеобразовательных гимназий или в каком-нибудь военном учебном заведении. Однако чем дальше от столиц, тем труднее было эти возможности осуществить. Не случайно Г.Р. Державин, проведший детство и юность в Заволжье и Поволжье, подчёркивал, что он «был воспитан в такое

¹ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ), ф. 92, оп. 1, д. 306, л. 8 и об.

² Там же, д. 769, л. 60 об.

³ Там же, д. 306, л. 8.

⁴ Там же, д. 1605, л. 6; ф. 977, оп. Совет, д. 948, л. 5.

⁵ Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып. 6. СПб., 1877. С. 59.

⁶ Артамонова Л.М. «Учили меня еще во младенчестве»: принципы и традиции образования молодых дворян в XVIII столетии // Родина. 2010. № 11. С. 13–15.

время и в таких отдалённых странах империи, когда и куда не проникло ещё равное нынешнему просвещение не токмо на низшие состояния, но и на то, к которому я принадлежал»⁷.

Правительство предпринимало попытки расширить сферу общего образования на иные сословия путём устройства казённых учебных заведений для детей духовенства, приказных служителей, купцов и мещан, нижних военных чинов. Первой такой попыткой, затронувшей провинцию, стало появление в 1714 г. цифирных школ. Реально к 1726 г. цифирные школы существовали в 25 провинциях. Количество прошедших через них учеников достигло 2 012 человек. Из провинций по Средней Волге и в Приуралье больше всего учеников было в Казанской – 107 человек. В остальных их число оставалось очень незначительным: в Свияжской провинции – 18, Симбирской – 10, Уфимской – 8 человек. Последние три школы состояли исключительно из одних сыновей приказных служителей. Они же составляли большинство в Казанской школе – 60 человек, остальные 47 были из духовенства⁸. В других средневожских городах таких школ не было совсем.

По мере становления специальных ведомственных учебных заведений для отдельных сословий существование цифирных школ оказалось ненужным. Выходцы из духовного звания сосредотачивались в архиерейских (епархиальных) школах, из которых впоследствии выросли духовные семинарии. Для детей военнослужащих появлялись гарнизонные школы, с которыми в 1744 г. были слиты последние из оставшихся цифирных школ⁹. На состояние школьного дела в Поволжье и Приуралье закрытие цифирных школ практически никак не повлияло. В этом регионе к 1744 г. оставалась всего одна школа в Казани, которая ещё до официальной ликвидации была переименована в гарнизонную и состояла только из солдатских и офицерских детей¹⁰.

Предположение, что первая попытка организации школьного дела в Саратове была предпринята в 1770-х гг. и привела к открытию семинарии, просуществовавшей недолго, подвергается сомнению современными исследователями из-за отсутствия убедительных доказательств¹¹. Как утверждали современники, в середине 1780-х гг. «не было в Саратове ни одного учёного священника»¹². Астраханская семинария, считавшаяся для своего времени большим учебным заведением, не могла удовлетворить образовательные потребности духовенства обширной епархии, включавшей значительную часть Поволжья и Заволжья. В 1780-х гг. в ней обучалось 195 детей священников и причта, а при отцах в домах оставалось их 1 120 человек, т.е. училась лишь пятая или шестая часть¹³. Однако влияние семинарий на распространение образования в стране было заметным, поскольку священники, церковнослужители и сами семинаристы составляли подавляющее большинство среди домашних и частных учителей.

⁷ Державин Г.Р. Избранная проза. М., 1984. С. 17.

⁸ Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб., 1912. С. 137–138, 142.

⁹ ПСЗ-1. Т. 12. № 9054.

¹⁰ Рождественский С.В. Указ. соч. С. 142.

¹¹ Майорова А.С. Саратовская духовная семинария и её роль в преобразовании культурного пространства губернского города в первой половине XIX века // Известия Саратовского университета. Сер. История, Право, Международные отношения. 2005. Т. 5. Вып. 1–2. С. 23–24.

¹² НА РГ, ф. 92, оп. 1, д. 769, л. 60 об.

¹³ Журнал Министерства внутренних дел. 1841. Ч. 40. № 4. С. 38.

Возникновение первых государственных школ в Заволжье было связано с деятельностью Оренбургской экспедиции (комиссии). Местом пребывания её руководства, служб и школ с сентября 1736 г. по август 1743 г. была Самара. В этих школах готовились кадры служащих для самой комиссии и давалось образование детям военных, чиновников, других лиц, состоявших при ней. В связи с превращением Оренбурга в 1744 г. в центр губернии туда были переведены подразделения бывшей Оренбургской комиссии, включая школы¹⁴. Характерно, что после выезда этих учебных заведений самарское городское общество не проявляло стремления к просвещению, выходящему за рамки традиционного домашнего воспитания, и не настаивало на заведении у себя новых школ. В 1764 г. на предложение Комиссии о коммерции послать купеческих детей на обучение в другие города или за границу был дан ответ, что из самарского купечества желающих ехать туда учиться никого не имеется. Сами составители ответа образованностью не отличались. Из 16 «лучших купцов» Самары только 6 поставили подписи под ответом собственноручно, за 10 неграмотных расписались другие¹⁵.

В 1735 г. было принято решение об учреждении школы для обучения «разных народов новокрещенных детей читать и писать», в 1740 г. в Казанской губ. предписывалось создать 4 такие школы¹⁶. При Елизавете Петровне в Казани была открыта школа для подготовки священников и церковнослужителей из крещёных марийцев, татар, чуваш и мордвы¹⁷. Не получив правильной организации и устойчивого обеспечения, новокрещенские школы в Казани и других местах постепенно закрылись. В их ряду отличается устойчивостью и долговечностью школа для калмыцких детей в Ставрополе (ныне Тольятти), который являлся центром войска крещёных калмыков¹⁸. В ней же «калмыцкому и российскому языкам и арифметике» обучались дети русских солдат, пока для них не была построена в 1776 г. особая гарнизонная школа. Учебные заведения для калмыков прекратили свою деятельность только с ликвидацией Ставропольского войска в 1840-х гг.¹⁹

Есть сведения о существовании в начале 1780-х гг. гарнизонных школ в Симбирске и Саратове. В Симбирске эта школа предназначалась «для обучения здешнего гарнизона солдатских детей грамоте и арифметике». Её посещали, по данным 1785 г., около 210 человек²⁰. В середине 1760-х гг. во всех гарнизонных школах России обучалось около 9 тыс. человек. Это был наиболее распространенный тип школы наряду с духовными учебными заведениями, чему способствовали обязательность поступления солдатских детей в школу и содержание их там, включая обмундирование и питание на казённый счёт²¹. Военные в разных чинах, выходя в отставку и даже пребывая на службе, со-

¹⁴ Смирнов Ю.Н. Создание первых школ в процессе реализации политики освоения Самарского Заволжья во второй трети XVIII века // Классическое гуманитарное образование: история и перспективы. Ульяновск, 2010. С. 345–348.

¹⁵ РГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 446, л. 212–213.

¹⁶ ПСЗ-I. Т. 11. № 8236. С. 255.

¹⁷ НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 877 в, л. 12.

¹⁸ Резолюция Кабинета Министров об открытии школы появилась 6 июня 1741 г. (См.: ПСЗ-I. Т. 11. № 8394).

¹⁹ Смирнов Ю.Н. Указ. соч. С. 349–351.

²⁰ РГИА, ф. 730, оп. 2, д. 1184, л. 6 об.; НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 769, л. 60 об.; РГВИА, ф. ВУА, д. 19026, л. 49.

²¹ Белявский М.Т. Школа и система образования в России в конце XVIII в. // Вестник Московского университета. Сер. историко-филологическая. 1959. № 2. С. 115.

ставляли значительную часть домашних учителей, особенно если речь шла о преподавании математических дисциплин. За исключением нескольких сословных учебных заведений дело народного образования в городах Поволжья 1780-х гг. находилось в состоянии застоя, что напрямую сказывалось на местных органах управления. Историки Саратовского края подчёркивали низкий образовательный уровень, а подчас полную безграмотность тамошнего чиновничества в середине XVIII в.²²

Замысел масштабной школьной реформы родился под воздействием идей Просвещения и стал воплощаться в жизнь в рамках политики просвещённого абсолютизма. Школьная реформа Екатерины II стала первой попыткой создать сеть общеобразовательных учебных заведений. Её подготовка началась с создания в сентябре 1782 г. Комиссии об учреждении училищ, первого в истории всероссийского органа управления народным образованием, и завершилась утверждением 5 августа 1786 г. Устава народным училищам в Российской империи²³, законодательно оформившего систему начальных и средних школ в рамках всего государства. С сентября 1786 г. в стране стали повсеместно открываться народные училища²⁴. Комиссия об учреждении училищ уделила много внимания изданию учебных пособий по предметам, изучавшимся в школах, разработала «Правила для учащихся народных училищ» и «Руководство учителям первого и второго класса народных училищ Российской империи». Целью её работ было создание законченной школьной системы с единой методикой преподавания и учебными планами. В Уставе предусматривалось учреждение народных училищ двух уровней – главные и малые. Главное народное училище, учреждаемое в каждом губернском городе, состояло из 4 классов. Его выпускники имели возможность продолжить образование в гимназии и университете. Малые училища предполагалось учреждать в уездных городах, а также в тех губерниях, где было недостаточно одного главного училища. Их программа примерно соответствовала первым двум классам главных училищ. Одним из самых сложных вопросов был кадровый. Комиссия об учреждении народных училищ решила набрать будущих преподавателей светских школ из духовных семинарий. Подготовка учителей из бывших семинаристов велась в Учительской семинарии в Петербурге и в главных народных училищах.

Данные о числе народных школ, открытых в 1786–1800 гг. в поволжских губерниях, указывают на отсутствие инициативы местной администрации и городских обществ. В некоторых губерниях существовало только одно главное училище, созданное по прямому указанию верховной власти и усилиями прежде всего столичной училищной Комиссии. Заботы об обеспечении малых народных училищ, как и о кадрах для них, полностью отдавались на усмотрение местных властей. Далеко не все губернские власти озаботились устройством таких школ, требовавших для своего появления дополнительных административных усилий и денежных средств. Рост числа учащихся поначалу происходил в основном за счёт открытия новых школ, а в некоторых губерниях при сохранении числа школ количество учащихся даже уменьшалось. Снизилась и

²² *Герасимов А.А.* Мелочи из прошлого Саратовского края // Труды Саратовской учёной архивной комиссии. Саратов, 1911. Вып. 28. С. 9–10.

²³ ПСЗ-І. Т. 22. № 16421.

²⁴ *Артамонова Л.М.* Самая просвещённая реформа // Родина. 2010. № 2. С. 45–49.

Таблица 1

Народные училища Поволжья в 1788 г.

Местонахождение училищ	Число училищ	% от числа народных училищ	Учителей	% от учителей народных училищ	Учащихся	% от учеников народных училищ
Всего народных училищ	135	100	307	100	10 170	100
Из них в наместничествах Поволжья	9	6.6	21	7.2	683	7
а именно:						
в Пензенском	2	1.5	5	1.7	235	2.4
в Симбирском	5	3.7	8	2.7	213	2.2
в Казанском	1	0.7	4	1.4	154	1.6
в Саратовском	1	0.7	4	1.4	81	0.8

Составлено по: РГАДА, ф. 17, оп. 1, д. 67, л. 80–86.

Таблица 2

Народные училища Поволжья в 1791 г.

Местонахождение училищ	Число училищ	Учителей	Учащихся	% от учащихся в 1788г.
Всех народных училищ	231	511	15 354	151
Из них в губерниях Поволжья	10	24	629	92
а именно: в Пензенской	2	6	185	79
в Симбирской	5	8	139	65
в Казанской	2	6	164	106
в Саратовской	1	4	141	174

Составлено по: РГАДА, ф. 17, оп. 1, д. 67, л. 67–73.

относительная доля поволжских народных училищ в общероссийских показателях, но в целом ситуация в Поволжье была схожа с общероссийской²⁵.

Для огромной страны количество училищ, преподавателей и учащихся оставалось явно недостаточным. Однако, добившись даже таких скромных результатов, русская школа столкнулась с серьезными трудностями, не только тормозившими её развитие, но и грозившими свести на нет первые успехи. В ходе реформы выявились три основные проблемы: кадровая, материального обеспечения, равнодушия населения к делу образования. Потенциал реформы, недостаточно обеспеченной средствами и кадрами, оказался исчерпанным в самые первые годы её проведения. К началу XIX в. произошло лишь очень незначительное увеличение количества народных училищ, преподавателей и школьников в них. Властям хватало настойчивости, а обществу – внутренней потребности только на поддержание школьного дела в стране на уровне, достигнутом в конце 1780-х гг.

В правление Екатерины II местные власти, не желая ударить лицом в грязь перед «просвещённой государыней», при всех финансовых трудностях, открыв

²⁵ Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара, 2001. С. 254–263.

Учебные заведения Поволжья в 1800 г.

Типы и местонахождение училищ	Число училищ	Учителей	Учащихся	% от учащихся в 1791 г.
Всех народных училищ	236	540	16 495	107
Из них в губерниях Поволжья	11	23	739	117
а именно:				
в бывшей Пензенской	2	5	168	91
в Симбирской (без Саранска)	3	6	200	144
в Казанской	5	8	248	151
в Саратовской (без Пензы)	1	4	123	87
Всего пансионеров и домашних училищ	45	181	1 103	94
в Симбирске	1	5	23	
в Саратове	1	1	17	
Всего учебных заведений в ведении Комиссии народных училищ	281	721	17 598	106

Составлено по: РГАДА., ф. 1239, оп. 3, ч. 80 (1), д. 38145, л. 4–9.

школы, не решались потом на их скорое закрытие, изыскивая возможности для дальнейшего содержания. В случае упразднения где-нибудь народного училища из-за явного отсутствия средств и учащихся учреждалось новое в другом месте, казавшемся более благоприятным для развития образования. Туда из прежней школы переводили учителей, предлагали перейти ученикам, передавали школьное имущество. Так в Симбирской губ. появилось училище в Карсуне вместо Тагайского училища, а в Самаре – вместо Ставропольского.

С восшествием на престол Павла I отношение властей к народному образованию и к его реформированию, начатому покойной императрицей, стало прохладней. Чувствуя эту перемену, громко зазвучали голоса тех, кто относился к новой школе отрицательно или равнодушно как в силу собственной косности, так и ради сиюминутной экономии. Ряд училищ, в том числе в Самаре, Карсуне и Сызрани был закрыт уже без учреждения вместо них других. На всю Симбирскую губ. в начале XIX в. осталось только две общеобразовательные школы, главная в Симбирске и малая в Алатыре.

Первые годы правления Александра I ознаменовались возрождением идей просвещенного абсолютизма и свойственного им внимания к развитию образования. Принятые в 1804 г. уставы предусматривали 4 ступени учебных заведений: приходские училища, уездные училища, гимназии, университеты, при этом государственное финансирование предполагалось только для трёх верхних ступеней. Выделяя средства на содержание казённых начальных школ, правительство не брало на себя расходы на строительство зданий для них и на ряд других нужд. Без участия, в том числе материального, местной общественности становилось невозможным открытие не только приходских училищ, вовсе не имевших государственной поддержки, но и уездных. Осознавая необходимость общественного участия в школьном деле, верховная власть и ведомство народного просвещения всячески поощряли случаи благотворительности на пользу просвещения, которые тщательно фиксировались и доводились до сведения начальства (вплоть до министра, а то и императора). Кроме чувства удовлетворения собственным благородным поступком, благотворитель мог рассчитывать на известность и определенные знаки отличия. Периодические издания, по распоряжению министра народного просвещения, оповещали читателей об

актах благотворительности. При этом размеры пожертвований не имели значения. Благодарность через прессу получали жертвователи и нескольких рублей, и многотысячных взносов. Крупные благотворители из дворян и чиновников награждались орденами, а из лиц других сословий – медалями.

Одним из способов привлечения авторитетных деятелей и состоятельных людей к распространению и поддержке школ стало учреждение должности почётных смотрителей. Согласно утверждённому 26 августа 1811 г. представлению министра народного просвещения гр. А.К. Разумовского, они избирались «из местных помещиков, наиболее благорасположенных к наукам и могущих по достатку и щедрости своей споспешествовать выгодам училища»²⁶. Почётные смотрители выполняли функции попечителей и покровителей училищ, а повседневной деятельностью этих школ занимались штатные смотрители из учителей. Особое значение имела практика избрания того или иного подходящего лица на должность почётного смотрителя над ещё не устроенным училищем, поскольку часто это было единственной возможностью открыть школы там, где их не существовало.

В 1808 г. в Российской империи насчитывалось 1 132 учебных заведения, подведомственных Министерству народного просвещения, с 46 695 учащимися. В 59 учебных заведениях Казанского учебного округа, созданного указом 24 января 1803 г. и включавшего тогда не только Поволжье, но и Урал, Сибирь, Кавказ, обучалось всего 3 254 человека²⁷. К 1824 г. в ведении Министерства состояло 1 411 учебных заведений, в которых учились 69 629 человек (в Казанском округе – 142 учебных заведения и 6 416 учащихся)²⁸. В 131 уездном городе России из 533 городов к 1825 г. начальных школ вовсе не было²⁹. Не подчинялись Министерству народного просвещения состоящие в ведении Св. Синода духовные семинарии и духовные училища, которые в XIX в. окончательно стали не только специальными, но и общеобразовательными учебными заведениями для детей духовенства. В 1808 г. в духовных учебных заведениях училось 30 167, а в 1824 г. – 45 851 человек³⁰. В 1800 г. в Пензе была открыта семинария. В Саратове в первой четверти XIX в. действовали уездное и приходское духовные училища, располагавшиеся в одном здании. В 1828 г. Саратовская и Пензенская епархия была разделена на две, и в 1830 г. в Саратове также открылась семинария³¹.

Однако стремление к просвещению проникало и в провинциальное общество. В начале 1823 г. совет Казанского университета получил от дворянина А.А. Путилова прошение о желании вступить в должность почетного смотрителя Самарского уездного училища с обязательством «выстроить для оного деревянный дом» и «жертвовать ежегодно» на него по 200 руб. Утвердив эту просьбу, министр народного просвещения испросил у Министерства финансов назначения «на означенное училище штатной суммы по 1 250 рублей в год»³².

²⁶ РГИА, ф. 732, оп. 1, д. 159, л. 1–2; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1864. С. 666.

²⁷ Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1809. № 23. С. 264–265, 280–281, 326–327, 334–335.

²⁸ Кеппен П.И. Материалы для истории просвещения в России. Т. 2. СПб., 1826. С. 415–416

²⁹ Фальборк Г., Чарнолуский В. Народное образование в России. СПб., 1900. С. 18, 23.

³⁰ Кеппен П.И. Материалы для истории просвещения. Т. 3. СПб., 1827. С. 22.

³¹ Майорова А.С. Указ. соч. С. 24.

³² РГИА, ф. 733, оп. 40, д. 91, л. 1–1 об, 7–7 об, 9.

Ревность к делу образования не осталась незамеченной. В 1824 г. Путилов в качестве попечителя уездного училища удостоился представления императору, проезжавшему через Самару. В 1825 г. здание школы было построено, и тот же Путилов снабдил его «классической мебелью и различными учебными пособиями». Комиссия, осмотревшая подаренный училищу дом, оценила его в 22 тыс. руб., а надворные строения при нём – в 3 400 руб.³³ Торжественное открытие училища было приурочено к 30 августа, дню тезоименитства Александра I. 15 января 1826 г. Николай I наградил Путилова орденом Св. Анны 3-й степени. Такую же награду получили другие почётные смотрители, сделавшие крупные пожертвования, например, штаб-лекарь Смирницкий, оплативший половину стоимости здания училища в соседнем Ставрополе, которое обошлось в 10 тыс. руб., и надворный советник Биндеман, выстроивший для школы в Нижнем Ломове дом со службами ценою в 12 тыс. руб.³⁴

В 1834–1836 г. в Симбирской губ. были впервые открыты 4 приходские училища – в Симбирске, Сызрани, Карсуни и Самаре. Учебные заведения этого типа полностью содержались на средства городских обществ (симбирское училище – 700 руб., самарское – 600 руб.)³⁵. 1 января 1851 г. была образована Самарская губ. Получение статуса губернского центра дало заметный толчок развитию образования в городе: в январе 1852 г. состоялось открытие в Самаре второго приходского училища, содержание которого приняли на себя также купцы и мещане. В том же году в городе открылось духовное училище, а в 1858 г. – духовная семинария. В 1856 г. была основана мужская гимназия. В 1858–1859 гг. появились две приходские школы для девочек и женское училище 1-го разряда (будущая женская гимназия)³⁶.

Вместе с тем определённых успехов в предреформенные годы достигла и сельская школа как в помещичьих, так и в казённых или удельных деревнях Поволжья. Это хорошо видно на примере Усольской вотчины графов Орловых, а затем Орловых-Давыдовых в районе Самарской Луки. Об открытии здесь первого училища гр. В.Г. Орлов договорился с крестьянскими мирами в июне 1770 г. В 1842 г. при его внуке гр. В.П. Орлове-Давыдове в 17 школах Усольской вотчины училось 515 детей (397 мальчиков и 118 девочек). Возникали школы и в имениях других просвещённых помещиков³⁷. Кроме крупных помещиков приходские школы порой создавали сельские священники. Так например, имеются сведения об открытии школ священниками Иоанном Вельским и Яковом Каменским в селах Ягодном и Шихозанове Казанской губ. в 1806 г. и 1819 г. Той же губернии «села Морков священник Яков Смирнов» в 1820 г., «построив в оном селе деревянный дом» ценой до 1 200 руб., «пожертвовал оный под открываемое там приходское училище» и «принял на себя звание надзирателя оного», снабдил «разными необходимыми учебными пособиями и мебелью»³⁸. Небогатым крестьянским общинам в казенной деревне заведение

³³ Там же, л. 18, 19.

³⁴ Там же, л. 20–21 об., 27–29.

³⁵ Там же, ф. 1287, оп. 31, д. 132, л. 1 об.

³⁶ Подробнее см.: Рыболова Е.А. Объективная необходимость открытия женских гимназий в 60–70-е гг. XIX в. // Классическое гуманитарное образование: история и перспектива. Ульяновск, 2010. С. 387.

³⁷ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М., 2000. С. 259.

³⁸ РГИА, ф. 732, оп. 1, д. 285, л. 12–14; НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 169, л. 1–2; д. 982, л. 6–7, 11–12, 14; д. 1122, л. 2, 4.

школ казалось непосильным делом, польза которого была далеко не для всех очевидной. Предписания правил 1803 г. об устройстве сельского училища на каждый или на два соседних прихода оставались только благими пожеланиями.

В подобном состоянии дело начального народного образования досталось в незавидное наследство императору Николаю I. Вопреки давней традиции негативной оценки его политики в области народного просвещения, именно к 1830–1840 м гг. следует отнести «факт появления организованной сельской школы» в России, в том числе и в Поволжье»³⁹. Численность приходских училищ, подведомственных Министерству народного просвещения, в эти годы выросла на территории Казанского учебного округа, охватывавшего 9 губерний Поволжья и Урала, с 39 до 123, хотя и оставалась явно недостаточной даже для городов региона, не говоря о сёлах. Некоторое количество школ создавалось другими ведомствами, в том числе Департаментом уделов и Министерством государственных имуществ.

29 октября 1832 г. последовало Высочайшее повеление о заведении по одному училищу в каждом сельском приказе, объединявшем несколько близлежащих удельных селений. Обучение в них должно было соответствовать школьному уставу 1828 г. Содержание школ возлагалось «на общественный счёт» жителей удельных имений и включало выплату жалованья учителю, предоставление помещения, бесплатное обеспечение школьников учебными пособиями. Выполнялось это Высочайшее повеление постепенно и не повсеместно. В Саратовском удельном имении, где насчитывалось 9 сельских приказов и 2 отделения, в 1837 г. появилось всего 4 школы, в 1842 г. – ещё 3. По данным Саратовского удельного имения, из 1 152 крестьян, обучавшихся в этих школах с 1837 по 1859 г., «служит уделу или готовится к службе» 159 человек, «занимается крестьянскими промыслами» (хлебопашеством, садоводством, судоходством, торговлей) – 655, стали ремесленниками – 23, письмоводителями «у должностных и частных лиц» – 22, «поступило в военную службу за свои семейства по очереди, по найму или за дурное поведение» – 182, умерли 101, «сверх того, находилось в бегах 3, состояло на лицо дурного поведения 4, и ничем не занимались по разным причинам трое»⁴⁰. В Самарском удельном имении в 1841 г. было открыто 18 училищ. В 1851 г. из обучавшихся 540 детей «окончили учение 97; некоторые из окончивших учение, смотря по способностям, поступили для научения канцелярскому порядку в Удельную контору и сельские приказы с целью подготовить хороших писарей для последних, а прочие распущены по домам для занятия крестьянскими работами»⁴¹. К 1854 г. число мальчиков, обучавшихся в училищах Самарского удельного имения, достигло 600. «Кроме того, обучаются 6 мальчиков фельдшерскому искусству и 6 ветеринарному, а по 2 мальчика у архитектора и землемера»⁴². В 1850 г. в имении появились школы для девочек. В них в 1851 г. обучалось 470 девочек (всего в женских школах Удельного ведомства – 1 066 учениц). Учебные пособия для дочерей приобретали родители, но это не уменьшало числа желавших

³⁹ Кузнецов С.В. Культура русской деревни // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. М., 1998. С. 239.

⁴⁰ Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1861. Т. 112. № 11. Отд. IV. С. 53–54.

⁴¹ Там же. 1852. Т. 76. № 10. Отд. VII. С. 30.

⁴² Список населённых мест по сведениям 1859 года. Т. XXXVI. Самарская губерния. СПб., 1864; Научный архив Русского географического общества, раз. № 34, д. 22, с. 12–13.

«поместить свою дочь в школу». Дело «дошло до того, что, по тесноте помещения школ, начальство принуждено было отказывать» некоторым девочкам в приёме⁴³. В Сызранском удельном имении, включавшем селения, купленные в 1845 г. у гр. А.А. Орловой-Чесменской, открылись школы в сёлах Переволоки и Новодевичье (сначала в бывшем доме графского управляющего, после – в отдельном здании, расходы по возведению которого приняли на себя крестьяне Новодевичьего приказа)⁴⁴.

В 1837 г. было образовано Министерство государственных имуществ, возглавлявшееся гр. П.Д. Киселёвым, и началась реформа управления казёнными крестьянами, составной частью которой стало развитие среди них начального образования. В проекте учреждения о управлении государственными имуществами в губерниях, утверждённом Николаем I 30 апреля 1838 г., содержалось указание «о постепенном учреждении при каждом сельском обществе для крестьянских детей приходских училищ»⁴⁵. По докладу гр. Киселёва 22 июня 1842 г. было дано Высочайшее повеление о переустройстве училищ для государственных крестьян на основе школьного устава 1828 г. Было разработано «Наставление для управления сельскими приходскими училищами в селениях государственных крестьян». К 1853 г. количество таких школ достигло 2 793⁴⁶. В 1846 г. в начальных учебных заведениях Министерства государственных имуществ по России в целом обучалось 50 540 человек, в том числе 2 288 человек в Саратовской губ. и 1 808 человек – в Оренбургской, куда входили восточные уезды Заволжья⁴⁷. Палаты государственных имуществ и окружные начальники, которые заведовали казёнными селениями на местах, обязаны были уведомлять губернские органы народного просвещения об открытии и закрытии приходских училищ, предоставлять ведомости об училищах. Директора и штатные смотрители школ Министерства народного просвещения должны были осматривать училища в селениях государственных крестьян. Местное епархиальное начальство предлагало для сельских школ учителей из священников, диаконов, причетников и выпускников семинарий. Министерство государственных имуществ учитывало опыт устройства училищ в Удельном ведомстве, о чём прямо говорилось в документах⁴⁸.

Усилия отдельных благотворителей и различных ведомств по распространению сельских училищ не просто совпадали во времени. Они были звеньями одной политической линии. На примере организации учебных заведений для удельных и казённых крестьян отчётливо видно наличие у верховной власти осознанного стремления к развитию образования, что встречало поддержку и в русском обществе. По данным на 1854 г., в ведении или под контролем Министерства народного просвещения в Поволжье было следующее число учебных заведений разных типов (табл. 4).

⁴³ ЖМНП. 1852. Т. 76. № 10. Отд. VII. С. 30–31.

⁴⁴ Государственный архив Ульяновской области, ф. 322, оп. 1, д. 287, л. 578 об. – 579; д. 503, л. 72 об. – 73, 74 об. – 75; оп. 5, д. 78, л. 4, 16.

⁴⁵ ПСЗ-II. Т. 13. Отд. 1. СПб., 1839. № 11189. С. 429.

⁴⁶ РГИА, ф. 381, оп. 1, ч. 2, д. 360, л. 10 об., 14 об.–15 об.; Общий отчёт по Министерству народного просвещения за 1845 год. СПб., 1846. С. 102; *Фальборк Г., Чарнолуцкий В.* Указ. соч. С. 30; *Воронов А. С.* Историко-статистическое обозрение. С. 231–234.

⁴⁷ Подсчитано по: РГИА, ф. 383, оп. 9, д. 7752, л. 2 об.–7, 12 об.–20, д. 7759, л. 2 об. – 6, 12 об.–13, 29 об.–33, 39 об.–41; оп. 10, д. 8974, л. 2–2 об.

⁴⁸ Там же, ф. 381, оп. 1, ч. 2, д. 360, л. 9, 16 об.

Учебные заведения Поволжья в 1854 г.

Губернии Тип заведений	Казанская	Самарская	Саратовская	Пензенская	Симбирская
Университет	1	0	0	1	0
Дворянский институт	0	0	0	1	0
Гимназии	2	0	1	1	1
Уездные училища	12	4	9	8	6
Приготовительные классы при них	0	2	3	0	1
Приходские училища	11	5	12	9	4
Частные учебные заведения	1	0	2	1	0
Училища при церквях иностранных исповеданий в городах	1	0	1	0	0
Сельские приходские училища	62	42	49	0	0
Училища в колониях иностранных поселенцев	0	68	46	0	0
Всего	90	121	123	21	12

Составлено по: Отчёт по Казанскому учебному округу за 1854 год. Б.м., [1855]. С. 1–4.

К ним следует добавить сельские училища удельного ведомства, батальоны и роты военных кантонистов (бывшие гарнизонные школы), учебные заведения духовного ведомства и др.

Всего же в 1856 г. в России насчитывалось 8 227 учебных заведений. Если в 1834 г. во всех учебных заведениях империи учились 244 993 человека, и это давало в среднем 1 учащегося на 210 жителей или около 5 учащихся на 1 тыс. жителей, то к 1856 г. число учащихся составило 450 002 человека (7 учащихся на 1 тыс. жителей). При этом в Самарской губ. было 292 учебных заведения и 24 185 учащихся (16.3 на 1 тыс.), а в Саратовской – 185 учебных заведений и 25 317 учащихся (15.6 на 1 тыс.). Обе эти поволжские губернии уступали по данному показателю Санкт-Петербургской губ. (21.7 на 1 тыс.), но превосходили Московскую (13.6 учащихся на 1 тыс. жителей)⁴⁹. Сравнительно большое число учащихся в Самарской и Саратовской губерниях объясняется, прежде всего, значительным количеством училищ в селениях государственных и удельных крестьян, а также иностранных колонистов.

Традиции, заложенные деятелями эпохи Просвещения в последней трети XVIII – первой четверти XIX в., продолжали жить и развиваться в меняющихся условиях предреформенных десятилетий. Российский абсолютизм всё это время, по сути, не переставал оставаться просвещённым в прямом смысле этого слова, т.е. понимающим необходимость широкого распространения образования и принимающим на себя ответственность за это. Конечно, развитие народного образования осуществлялось в условиях сословного и крепостного строя тогдашней России. Однако и в этих рамках, как показал пример Поволжья, были достигнуты заметные успехи в становлении национальной школы,

⁴⁹ Подсчитано по: Статистические таблицы Российской империи за 1856-й год; Таблицы учебных заведений всех ведомств Российской империи, с показанием отношения числа учащихся к числу жителей. СПб., 1838.

сначала городской, а при Николае I и сельской. Готовились учительские кадры, накапливался организационный и педагогический опыт, росла потребность населения в грамоте, без чего были бы невозможны достижения русской школы второй половины XIX в. Школьные реформы сыграли важную роль в интеллектуальной и идейной подготовке будущих Великих реформ, которые были вызваны не только хозяйственными или политическими, но и изменившимися этическими и культурными потребностями общества.

Причины увеличения притока студентов в Московский университет в 1803–1809 годах

Александр Феребов

Длительное время при изучении процесса формирования численного состава студентов Московского университета в начале XIX в. исследователи оперировали чрезвычайно скудными статистическими данными. Однако уже к рубежу XIX–XX вв. сложилось до сих пор ещё господствующее представление о том, что после утверждения в конце 1802–1804 гг. основополагающих законов о преобразовании системы народного просвещения и до 1809 г. правительству Александра I и местному начальству удалось добиться ощутимого притока молодёжи в Московский университет с помощью различных организационных и поощрительных мероприятий. Введение в научный оборот подробных сведений о ежегодных приёмах в Московский университет и общей численности учившихся в нём студентов за вторую половину XVIII – начало XIX в., на первый взгляд, лишь наглядно подтвердило это мнение. Так, динамика поступлений в Московский университет на рубеже XVIII–XIX вв. соответствовала уровню 1750–1770-х гг. (в среднем 20 принятых абитуриентов в год). Ещё летом 1802 г. в студенты университета было произведено только 18 юношей, но с началом реформы численность студентов, принятых в университет, стала удваиваться через каждые три года. Летом 1803 г. студентами стали 34 человека, летом 1804 г. – 33, 1805 г. – 37, 1806 г. – 52, 1807 г. – 61, 1808 г. – 57, 1809 г. – 28. Общая численность студентов, на рубеже XVIII–XIX вв. державшаяся на уровне 1760-х гг., за пять лет выросла в четыре раза. К концу 1804 г. в университете учились 56 студентов, к концу 1805 г. – уже 128, в следующие два года – по 135, к концу 1808 г. – 228, к концу 1809 г. – 215¹. Затем, как известно, основным фактором привлечения молодёжи в университет стало утверждение 6 августа 1809 г. указа «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские

© 2013 г. А.Н. Феребов

¹ Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000. С. 208, 287; Феофанов А.М. Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX века. М., 2011. С. 37–44. В работе А.Ю. Андреева указано, что в 1805 г. в университет были приняты 57 человек, а в 1807 г. – 59 человек. Данные за эти годы уточнены А.М. Феофановым.